

ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ АРТИСТА

Л. О. УТЕСОВ.
Дружеский шарж И. ИПИНА.

Народному артисту РСФСР Леониду Утесову послезавтра исполняется 70 лет, из которых свыше 50 он отдал искусству. Вряд ли надо рассказывать о том, чем прославил себя замечательный мастер эстрады, — его творчество давно известно самым широким кругам советских зрителей, как и творчество возглавляемого им Государственного эстрадного оркестра.

Сегодня Федор Липскеров рассказывает о Леониде Утесове, с которым его связывают многие годы творческой дружбы.

...Утром, в день концерта, я захожу к нему в номер. Настроение у него мрачное. Стоит он у окна, барабанит пальцами по подоконнику и недовольно произносит: «Снег идет. Черт знает, что такое!».

Справедливости ради надо сказать, что погода в его настроении не играет никакой роли. В день концерта он равно недоволен и тогда, когда идет дождь и когда на дворе чудесная погода: «Солнце во всю светит. День какой-то яркий. Черт знает, что такое!».

Я отношусь к этим репликам довольно спокойно. Ведь вечером концерт. Все понятно.

— Почему я должен еще выступать? — искренне удивляется он. — В мире нет ни одного джазового дирижера моего возраста. Нет, пора! Пора все бросать. — Тут же подсчитываются годы. Итог довольно неутешительный — много лет получается.

— Последняя поездка, — говорит он. — Все! Баста! Пе-

редаю оркестр в другие руки, а сам буду отдыхать. Поработал, хватит.

Более пятидесяти лет провел он на эстраде, в театре, снимался в кино. Может быть, действительно хватит всего этого для Леонида Осиповича Утесова?

Гуляем по городу. Без особого интереса шествует он по улицам в своем синем беретике, который начал носить задолго до того, как пришла мода.

Он многое делал до того, как на это многое пришла мода. Сейчас джаз — дело модное и доступно любому квалифицированному музыканту. А вот лет тридцать пять назад... Тогда этой моды не было.

Город ему явно не нравится. Если дом выкрашен в желтый цвет, то его не устраивает именно желтый. Если в белый, то и белый какой-то такой, совсем не такой, каким ему полагалось бы быть. Широкая площадь — отдает недостатком уюта. Маленькая площадь — возмущает отсутствием размеров.

Обед. Обычный ресторанный обед. «Съедем что-нибудь», — говорит он. Расковыривает вилкой второе и удаляется в свой «полулюкс» отдыхать.

На концерт приезжает за час до начала. Мрачно сидит в гримировальной уборной, посапывая надевает концертный костюм, ботинки. Все аккуратное, разглаженное. Галстук подгулял. Эта часть туалета имеет весьма затрапезный вид. Много лет тому назад этот галстук подарил ему в день премьеры Лев Милов. Галстук почему-то считается счастливым. На смену этому галстуку предлагалось большое количество более интересных. Они аккуратно повязывались на шею, но перед самым выходом на сцену новый галстук снимался и заменялся этим — коричневым, в рыжих от утюга подпалинах. Счастливым галстуком, ничего не поделаешь!

С трудом передвигая ноги, идет он на сцену. Занавес от-

крывается. Он произносит первые слова своего монолога.

Сколько, вы сказали, ему лет? Да не может быть! Да вы шутите! Да вы смеетесь! С темпераментом двадцатилетнего юноши он дирижирует, поет, танцует. Поворачиваясь спиной к зрителям, успевает сделать довольно ядовитые критические замечания в адрес артистов оркестра, которые делают что-то не то или что-то не так. В антракте и после концерта он обаятелен, весело шутит и радуется посетителям. Энергия так и брызжет из него. После окончания концерта думаешь, что он тут же может сыграть и второй.

...Выходной день. Вечером концерта нет. Я снова у него в номере. «Снег идет», — радостно заявляет он. И снова мы идем по городу. Его радует и веселит все — и новые пальто на прохожих, и большие площади, которые хороши потому, что они большие, и маленькие площади потому, что они маленькие. Его приводит в восторг окраска домов. Даже кучи мусора перед тем или иным зданием, которые, честно говоря, не красят улицы, тоже вызывают у него восклицание. «К уборке готовятся, — говорит он. — Молодцы!».

Обед выбирается тщательно. И закуска, и первое, и второе, и, конечно, компот. Только вот какой? Консервированный или из сухофруктов? Этой серьезной проблеме он тоже уделяет некоторое время.

А вечером — в цирк. Цирк он считает самым честным искусством. «Вот в цирке в полноги не поработаешь, — с завистью говорит он, наблюдая какой-нибудь полет или выступление акробатической группы. — Эх, если бы мои музыканты так!». И после представления бежит за кулисы, благодарит артистов за доставленное удовольствие. Благодарит от души.

Следующий день — снова концерт. И снова я встречаюсь с мрачным человеком, который не замечает дня своего потому, что этот день подчинен вечеру, тому вечеру, когда он встречается с тысячами зрителей.

Ф. ЛИПСКЕРОВ.